

УДК 316.4; 316.47

Т.В. Шипунова

Д.В. Фомина

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ И КОНСТРУИРОВАНИЕ ЕГО РИСКОВ В СТУДЕНЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Авторы рассматривают специфику девиантного поведения сквозь призму гендерных особенностей субъектов. Теоретической основой рассуждений является понимание гендера как конструкта, обусловленного социокультурными факторами. В статье приводятся результаты исследования, целью которого было выявление представлений студентов о девиантном поведении, оценок различных его видов и рисков в зависимости от гендера. Исследование показало, что при выборе моделей девиантного поведения юноши исходят из стремления к удовлетворению своих потребностей, а девушки ориентированы на мнение и образцы поведения других людей в их окружении.

Ключевые слова: гендер, девиантное поведение, риск, гаджетозависимость, наркозависимость, гламуризация.

Гендер и девиантное поведение

Гендерный подход, зародившийся в психологии (З. Фрейд, Н. Чодороу, Д. Сайерс), нацелил исследователей на рассмотрение различий в поведении мужчин и женщин через призму половой идентификации, сформировавшейся в раннем детстве. Преимущество данного подхода состояло в том, что модель женского поведения перестала считаться отклонением от нормы, а стала рассматриваться как «другая», отличная от маскулинной [28]. Параллельно развивался полоролевой подход, изучающий влияние социальных ролей на поведение представителей разных полов. Так, Ф. Адлер прогнозировал рост женской девиантности в условиях кризиса гендерных стереотипов. По его мнению, такой кризис может привести к стремлению девушек имитировать мужское поведение и, следовательно, совершать нормонарушающие

поступки [26].

В социологии одной из ключевых теорий, рассматривающих влияние гендера на поведение человека, является теория дифференциации социальных ролей Т. Парсонса. Она объясняет различия в поведении мужчин и женщин с социокультурной точки зрения, разграничивая функции мужчин и женщин. Так, для мужчин свойственна инструментальная функция (осуществление связи с внешним миром), а для женщин – экспрессивная, реализация которой должна способствовать поддержанию взаимоотношений внутри семьи [30]. Эти идеи получили развитие во многих теориях. Например, в теории социального конструирования гендера К. Уэста и Д. Зиммермана говорится о том, что гендер – это постоянно конструируемое взаимодействие. «Делать» гендер, по мнению авторов, – это «не всегда означа-

Шипунова Татьяна Владимировна, доктор социологических наук, профессор факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета
e-mail: shtatspb@yandex.ru

Фомина Дарья Валерьевна, магистрант Санкт-Петербургского государственного университета
e-mail: dariafomina1994@gmail.com

© Шипунова Т.В., 2016

© Фомина Д.В., 2016

Статья получена: 03.03.2016

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-03-00383

ет жить согласно нормативным представлениям о женственном или мужественном; это означает быть включенным в различные виды деятельности в *условиях гендерной оценки*. Хотя именно индивиды создают гендер, эта деятельность является в фундаментальном отношении интерактивной и институциональной по своему характеру» [21, с. 206]. И далее: «создание гендера придает статус нормальности и естественности социальным отношениям, основанным на категории принадлежности по полу, т.е. делает такие отношения легитимными способами организации социальной жизни» [21, с. 216]. Гендер формируется посредством социализации, разделения труда, системы гендерных отношений, семьи и СМИ. При этом индивид сам является субъектом данного процесса: на уровне сознания он принимает (или отвергает) заданные обществом нормы и роли, влияющие на формирование гендера.

Определенный вклад в понимание гендера внес Э. Гидденс. При рассмотрении вопросов о гендере, личности и морали он дает критическую оценку психологическим теориям и рассматривает гендерные различия, опираясь на традиционное разделение обязанностей мужчин и женщин, а также степень их включенности в общественную жизнь [7, 160–168]. Патриархат как доминирование мужчин, влекущее гендерный дисбаланс в обществе, характеризует современную цивилизацию и определяет неравенство полов в сфере труда, разделения домашних обязанностей, карьере. Он же определяет ориентацию женщин на вкусы мужчин (в одежде, поведении и т.д.) и формирует потребительское отношение к женщинам. Вот почему насилие характерно преимущественно в отношении женщин, а проституция рассматривается как «женский» феномен. По мнению Э. Гидденса, гендерная социализация начинается с раннего детства. Гендер характеризует набор образцов поведения, усвоенных в течение жизни, а также идентификацию личности по вопросам мужественности и эмоциональности [7, с. 192]. В дальнейшем эти характеристики становятся значимыми при выборе модели поведения и оценки их по признаку «нормальности».

Другой известный социолог – Дж. Масионис – определяет гендер как «черты личности и социальные позиции, рассматриваемые членами общества как женские и мужские» [14, с. 68]. «Таким образом, гендер является одним из измерений социальной организации, определяющим наши отношения с окружающими и представления о себе» [14, с. 431]. Автор выделил эффекты, которые гендер может оказывать на исследователей, изучающих различные социальные явления: андроцентризм,

гиноцентризм, свехобобщение, гендерная слепота, двойные стандарты и интерференция [14, с. 68–69]. Автор отмечает: «Практически во всех обществах женщины связаны более строгими нормативными установлениями, чем мужчины» [14, с. 280]. По его мнению, гендерный фактор сказывается практически на всех объяснительных теориях девиантности. Так, теория, предложенная Р. Мертоном, представляется «маскулинной тем, что определяет культурные цели с точки зрения финансового успеха», власти, благ, привилегий, т.е. всего того, что является более доступным для мужчин. В этой ситуации женщины находятся на обочине экономической жизни и попадают в зону риска. Особенно это актуально для одиноких матерей. При использовании теории ярлыков следует учитывать, что гендер влияет на наше определение девиантности, «ибо люди обычно используют различные стандарты при оценке поведения мужчин и женщин» [14, с. 280–281].

Со временем в общественных науках сложилось представление о гендере как «социальном поле», т.е. совокупности «социально детерминированных ролей, идентичностей и сфер деятельности мужчин и женщин, зависящих не от биологических половых различий, а от социальной организации общества» [11]. Продуктивным является также подход, изучающий гендер с позиций социального конструктивизма [См., напр.: 9]. Данный подход продолжает концепцию К. Уэста и Д. Зиммермана и позволяет посмотреть на женское и мужское поведение не только как на предписанное общественными нормами и традициями, но и как на постоянно проектируемое и изменяющееся в зависимости от обстоятельств и ситуаций.

Гендерный подход сыграл важную роль в изучении девиантности молодежи. Многочисленные исследования продемонстрировали зависимость девиантного поведения от гендера, который обуславливается демографическими, психологическими и социальными предпосылками. Кроме того, в современных исследованиях отмечается тенденция стирания гендерных границ. Так, в 2011 г. 56,5% молодых людей в возрасте от 11 до 24 лет регулярно потребляли алкоголь [24]. При этом девушки (54,8%) практически «догнали» юношей (58,1%) в потреблении спиртных напитков [24]. Около 20% молодежи пробовало и потребляют наркотические вещества [25]. Следует обратить внимание на возрастающую долю девушек в курении табака. В возрастной группе 20–29 лет доля курящих женщин в 10 раз больше, чем в группе старше 60 лет [17]. В 2010 г. НИИ КСИ факультета социологии Санкт-Петербургского университета было проведено исследова-

ние «Русская речь-2010». 46% молодых людей Санкт-Петербурга отметили, что используют в своей речи ненормативную лексику. Большинство из респондентов (62%) указали, что употребление нецензурных выражений уместно в зависимости от ситуации [18].

Многие исследователи пишут о распространении новых аддикций среди молодежи и, прежде всего, о зависимости от гаджетов. У всех студентов в арсенале пользования находятся не только стационарные компьютеры, но и планшеты, смартфоны. Их использование очень удобно, поскольку позволяет добывать любую информацию здесь и сейчас, постоянно находиться на связи, а также играть в различные игры. Антивирусная компания ESET провела исследование по вопросу зависимости россиян от гаджетов. Только 10% опрошенных выразили готовность отказаться от электронных средств во время своего отдыха [6]. По некоторым данным, 66% людей кладут телефон рядом с собой, когда ложатся спать [8]. Согласно некоторым исследованиям, девушки-студентки тратят более 10 часов в день, а юноши около 8 часов на пользование своими смартфонами. Около 60% опрошенных признаются, что зависимы от своих телефонов: большинство из них ощущают тревогу и панику, когда не могут найти поблизости свой смартфон [20].

С гаджетозависимостью связана зависимость от социальных сетей, которые позволяют пользователям конструировать свой образ по своему желанию в зависимости от того, как бы они хотели, чтобы их воспринимали, и какую роль они хотели бы сыграть в данный момент. В России 88% населения являются пользователями социальных сетей. 84,4% молодежи России зарегистрированы в различных социальных сетях (81% юношей и 83,9% девушек) [19]. По мнению норвежских исследователей, симптомы зависимости от социальных сетей схожи с симптомами зависимости от наркотиков и алкоголя [27]. Авторы разработали шкалу, которая позволяет выяснить степень влияния социальных сетей на жизнь человека. Ее применение в исследованиях показало, что у женщин риск развития зависимости намного выше, так как они больше склонны к тревожности, уходу от решения проблем и являются более обществоориентированными.

Общество потребления породило гламуризацию, которая включает в себя различные зависимости. Гламур – это не только феномен моды, как обычно его принято интерпретировать, но и определенный дискурс, распространивший свое влияние на значительную часть индивидуально- и социального [16, с. 52]. Гламуризация, рекламируемая в глянцевах журналах, стала стилем

жизни для большинства современной молодежи. Основой гламуризации является индивидуальное сверхпотребление, превратившееся в средство социализации. Можно сказать, что «поведение в области потребления выступает проекцией отношения студенчества на окружающую социальную действительность» [15; 23]. Различные исследования демонстрируют, что основу потребительского поведения молодежи составляет «желание» – возможность удовлетворения не только потребностей в определенных предметах, но и акта развлечения (шопинг). Другой характеристикой является «демонстративное потребление» – «неоправданное расточительство человека с целью демонстрации своего социального положения, самоутверждения в обществе, внутри которого он существует» [1]. Возможно, поэтому на втором месте в статье расходов студенческой молодежи, после продуктов питания, стоит модная одежда и различные товары, связанные с конструированием имиджа [22, с. 25]. Ориентация на «демонстративное потребление» (знаки «статуса»), исходя из некоторых исследований, чаще наблюдается у девушек. Объясняется это тем, что для женщин одним из главных статусных показателей является привлекательная внешность, инструментами конструирования которой выступают товары потребления разного вида – косметика, украшения, модная одежда и т.п. [23, с. 87].

Гламуризация не считается девиацией в полном смысле этого слова, однако воспринимается, по крайней мере, как «странное» поведение, нарушающее меру разумного, необходимого. И, как любое «чрезмерное», всячески высмеивается. В социальных сетях существует огромное количество групп, посвященных тематике «антигламура». В связи с наличием большого числа негативных и саркастических отзывов по поводу гламурного образа жизни его можно считать пограничным поведением, индикаторами которого выступают: вовлеченность в постоянное приобретение новых вещей (шопоголизм), восприятие людей исключительно по брендам носимых ими вещей, чтение только гламурных журналов, модификация тела без медицинских показателей, «гламурный» стиль жизни (регулярное посещение баров, ресторанов, «светских тусовок») и т.д. Последовательная и самозабвенная реализация этих требований (критериев) представителями молодежи, с нашей точки зрения, может привести к личностной и социальной деградации. Кроме того, такой критерий, как шопоголизм, уже свидетельствует о том, что гламуризация имеет признаки девиации (аддикции).

Указанные предпосылки послужили основой

проведения авторского исследования, целью которого было изучение гендерных особенностей некоторых видов девиантного поведения студенческой молодежи, а также их представлений о гендерных различиях и рисках девиаций.

Выбор студенческой молодежи обусловлен высокой степенью распространенности девиантного поведения в среде студентов, о чем свидетельствуют данные многочисленных исследований. Например, потребление алкоголя для многих студентов разных регионов России стало нормой. При этом в процентном соотношении доли мужчин и женщин практически сравнялись, а в некоторых регионах женская модель поведения даже превалирует. В Архангельске 88% девушек и 84% юношей регулярно потребляют алкоголь [13, с. 105]; в Ставрополе 47% студентов отметили, что злоупотребление алкоголем в их среде «иногда случается», а 12,1% опрошенных сообщили, что встречается данное явление «очень часто» [12]; в Республике Бурятия 69,4% мужчин и 72,3% женщин регулярно употребляют алкогольные напитки [4, с. 175].

Широко распространена и наркомания. По данным некоторых опросов, около 13% студентов имели опыт употребления наркотических веществ, а 4% из них продолжают их регулярное употребление [5, с. 56]. Глава Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков заявил, что «опыт употребления наркотиков в России имеют примерно 10% учащихся вузов» [10].

Гипотеза нашего исследования звучала следующим образом: несмотря на то, что постепенно происходит стирание гендерных различий между юношами и девушками в совершении тех или иных видов девиаций, гендерные особенности в выборе способов совершения, частоты, места совершения, а также представлений (конструктов) о рисках развития девиантного поведения сохраняются.

Методом исследования был выбран анкетный интернет-опрос. Преимущество этого метода состоит в том, что он позволяет охватить разнобразную аудиторию (учащихся разных вузов) и делает опрос более доступным для студентов, так как студенческая молодежь является одной из самых активных групп интернет-пользователей. Кроме того, интернет-опрос значительно сокращает временные и человеческие ресурсы на проведение исследования. Исследование проводилось на базе платформы GoogleForms.

Анкета состояла из девяти блоков, задачами которых было выявление представлений студентов о девиантном поведении, оценок различных его видов и рисков в зависимости от гендера. Было опрошено 166 студентов различных вузов Санкт-Петербурга в возрасте от 18 до 24 лет. В

опросе приняли участие 82 девушки и 84 юноши.

Гендерное сходство и различие в девиантном поведении студенческой молодежи

Исследование показало, что студенты обоего пола рассматривают девиантное поведение как деструктивные действия, направленные вовне. Большая часть студентов определяет его через нарушение социальных норм (73,5%), часть студентов (21,7%) называет девиантным поведением причинение вреда другим. Для остальных опрошенных такое поведение означает отклонение от принятого в обществе, «то, что не входит в конструируемое представление о социальной норме» и т.д. Представление о девиациях, как действиях, направленных вовне, объясняет выделение студентами примеров нормонарушающего поведения: насилие против людей (84,3%), издевательство над животными (79,5%), потребление наркотиков (75,9%), хулиганские действия (73,5%), проституция (72,3%), экстремизм (67,5%), присвоение себе чужого имущества (62,7%). Такие проявления, по мнению студентов, больше свойственны юношам, нежели девушкам. Данные виды девиантного поведения характеризуются проявлением агрессии, доминантности, стремления к господству и власти, желанием испытать острые ощущения, т.е. всеми теми чертами, которые вписываются в традиционные представления о маскулинности.

Представления студентов о поведении женщин характеризуются теми образами, которые конструируются средствами масс-медиа: уделение особого внимания внешнему облику, стремление к реализации принципа «красивая женщина – успешная женщина». Для девушек, по мнению студентов, больше характерны такие виды неодобряемого в обществе поведения, как проституция (91%), шопоголизм (90,4%), использование пластической хирургии без медицинских показателей (83,8%), слепое следование моде (78,9%) и гламуризация (77,1%). Практически все указанные виды поведения связываются студентами с желанием (необходимостью?) создания своего внешнего облика. Допустимым является и потребление алкоголя, но существуют различия в видах избираемых напитков. Так, если для юношей допустимо (и неосуждаемо) потребление крепких спиртных напитков, то для девушек – только потребление слабоалкогольных напитков. Табакокурение юношей находит большее оправдание и принятие, а потребление табака девушками осуждается (51,8%, из них юношей – 62,3%, девушек – 41,3%).

Недопустимыми формами поведения для обоих полов студенты считают употребление наркотиков (всего 68,2%, из них 62% – юноши, 74,3%

– девушки); частую смену сексуальных партнеров (всего 47%, из них 39,2% – юноши, 53,6% – девушки); оказание услуг сексуального характера (65,1%, из них 61,9% – юноши, 65,8% – девушки); использование нецензурных выражений в своей речи (55,4%, из них 57,1% – юноши, 51,2% – девушки) и постоянное нахождение online в социальных сетях (49,8%, из них 43,1% – юноши, 44,1% – девушки).

Ответы на вопросы об актуальном (имеющемся в опыте на момент опроса) поведении в своей среде респонденты показали следующие результаты.

К алкоголю юноши более пристрастны, чем к табакокурению. Потребление алкоголя – достаточно распространенное явление в студенческой среде (не пьют только 11,9% юношей и 12,5% девушек). Юноши в большинстве случаев выпивают несколько раз в месяц (33,3%) и по праздникам, иногда по выходным (28,7%). Курят из них только 26,2%, при этом в среднем потребляется пачка сигарет в сутки.

Потребление алкоголя как допустимая форма поведения, по мнению студентов, характерна также и для девушек. Большинство девушек (40,6%) ответили, что выпивают по праздникам, иногда и по выходным, а 30% указали, что для них это редкость. Курение среди девушек, как и среди юношей, не очень распространено: только 19,6% представительниц женского пола имеют зависимость от табака.

В анкету были заложены вопросы, касающиеся мнения студентов (с опорой на их личные наблюдения) о различиях в предпочтениях потребляемой алкогольной продукции и о местах ее потребления. По мнению респондентов, юноши предпочитают крепкий алкоголь (коньяк, водка) и пиво. Большинство респондентов (77,1%, из них 86,9% юношей и 75,6% девушек) также отметили, что юношам в большей степени, чем девушкам, свойственно распитие спиртных напитков в общественных местах (например, в парках, общественном транспорте). Для девушек более характерен демонстративный тип потребления алкоголя: «красивые» общественные места (кафе, бары) и модные напитки, позволяющие расслабиться и раскрепоститься.

Отношение к потреблению наркотиков в студенческой среде складывается неоднозначно: среди опрошенных 59,5% юношей и 61% девушек никогда их не пробовали; пробовали пару раз 21,4% юношей и 24,4% девушек; потребляют «пару раз в год» 11,9% юношей и 7,1% девушек. Постоянные потребители наркотиков встретились только среди девушек (2,4%). Основными наркотиками, которые потребляют студенты, являются препара-

ты конопли: 31,7% девушек и 30,9% юношей пробовали, а часть девушек продолжает потребление (2,4%). Незначительная доля студентов имеет опыт принятия препаратов опийной группы, кокаина и галлюциногенов (последние больше распространены среди юношей). Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод: гендерные различия употребления наркотических веществ по частоте и предпочтениям несущественны, хотя настораживает тот факт, что среди постоянных потребителей находятся (только) девушки.

Респонденты дали различные определения понятию «гламуризация» – от «зависимость от моды и брендов» до «розовая шуба». Чаще всего прослеживается связь представлений о гламуризации с особым внешним видом, роскошью, подражанием «звездам», глянцевыми журналами, демонстративностью и подменой ценностей. Для девушек, по мнению опрошенных, гламуризация свойственна больше, чем для юношей, поскольку именно они склонны к чрезмерному вниманию к себе, покупают только брендовых вещей и постоянно обновляют гардероб. Девушки, в большинстве случаев отмечали, что бренд позволяет не только выделиться, но и диктует стиль жизни.

В потребительском поведении также отмечены гендерные различия. Для женского пола хождение по магазинам ассоциируется в большинстве случаев с радостью, отдыхом, поиском нового образа и «новой себя». Возможно, это связано с тем, что радость и отдых для них приносит сам процесс шопинга, а не только наличие определенной покупки. Для мужчин же покупка – это всегда необходимость. При этом обе гендерные группы ответили, что обновляют гардероб несколько раз в сезон по мере необходимости (юноши – 52,3%, девушки – 44%).

Результаты исследования показали, что зависимость от социальных сетей распространена больше среди представительниц женского пола: значительная часть из них обновляют свою «страницу», по крайней мере, один раз в несколько часов (48,8%), тогда как юноши делают это только несколько раз в день (54,8%). При этом девушки зарегистрированы в большем количестве социальных сетей (ВКонтакте, Facebook, Instagram, Twitter), юноши же отмечали 1–2 варианта (ВКонтакте, Facebook).

Как девушки, так и юноши постоянно, на протяжении всего дня, заглядывают в свои гаджеты (юноши – 64,3%, девушки – 73,2%). По мнению опрошенных, мужчины чаще прибегают к гаджетам как к средству развлечения (66,9%), женщины же больше ориентированы на конструирование своего образа: размещение информации на своей «странице» (57,9%), просмотр «лайков» и комментариев к своим записям (59,1%) и демон-

страция своего социального статуса с помощью бренда/марки своего гаджета (32,5%).

Разумеется, не все те виды поведения, которые были затронуты в нашем исследовании, являются девиациями или аддикциями в полном смысле слова. Например, просто факт потребления алкоголя нельзя рассматривать как девиантное поведение. Это справедливо для всех представленных поведенческих проявлений. Скорее следует говорить о преддевиантном и/или предаддиктивном поведении. Все зависит от степени включения в процесс потребления, его длительности и глубины психологических изменений личности.

Конструирование рисков девиантного поведения

Существует множество определений понятия «риск». Об этом феномене писали многие классики социологии (У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман и др.) и современные исследователи (П. Штомпка, О.Н. Яницкий и др.). Целям нашего исследования наиболее близким является рассмотрение риска в социально-культурном контексте, который определяет вариабельность оценки рисков в разных пространственно-временных континуумах [29]. Данный подход получил развитие в теоретических изысканиях многих авторов. Например, Е.С. Богомякова и Г.В. Зорин предлагают рассматривать риск как «субъективно присваиваемое или конструируемое значение любого явления, степень риска при этом произвольно меняется субъектом во времени» [3, с. 50]. Такое понимание переводит риск из объективной плоскости в субъективную, риск становится гносеологическим понятием. По мнению авторов, предлагаемая концепция близка социальному конструкционизму, концепции «наклеивания ярлыков» Г. Беккера и Э. Лемерта и, в целом, феноменологии П. Бергера и Т. Лукмана, А. Шюца [3, с. 53].

Исходя из данного определения, в анкете был предусмотрен ряд вопросов, касающихся конструирования студентами рисков различных девиаций. Идея состояла в том, чтобы респонденты, опираясь на свой жизненный опыт, социокультурный багаж, а также интуитивное понимание риска, обозначили феномены, оцениваемые ими как вероятные условия для развития той или иной аддикции (девиации) в зависимости от гендера.

По мнению опрошенных, рисками развития алкоголезависимости мужчин является, прежде всего, постоянное увеличение дозы потребления алкоголя (54,8%). Далее следуют: увеличение частоты потребления алкоголя до двух и более раз в неделю (52,4%); потребление некачественной алкогольной продукции (51,8%); дружба с алкоголезависимыми (46,4%). Для девушек основным риском является «частое потребление алкоголя любимым чело-

веком» (50,5%) и, соответственно, последующее приобщение девушки к алкоголю. Другими наиболее значимыми рисками являются: включенность в молодежную субкультуру (47,7%), в которой принято принимать алкоголь, и отсутствие личной жизни (39,1%). Некоторые девушки отметили, что риском может быть желание понравиться парням, их одобрение образа «пьяненькой девочки» (7%). В этих результатах прослеживается тенденция отношения к женщинам, как к пассивным субъектам, имеющим зависимость от мужчин, тогда как юноши выступают активными «строителями» своей модели алкогольного поведения.

Среди основных рисков развития женской наркозависимости в качестве особо значимого был выделен риск «потребления наркотиков любимым человеком» (50,6%). Такие риски, как увеличение частоты (55,4%), дозы (51,8%) и плохая успеваемость (46,4%), являются значимыми для юношей. А дружба с наркозависимыми и отсутствие личной жизни могут привести к аддикции и юношей, и девушек. Исходя из разнообразия рисков, отмеченных для мужского пола, можно сделать вывод, что в представлениях студентов юноши гораздо чаще могут прибегать к потреблению наркотиков, и риск стать постоянным наркопотребителем у них выше.

В рисках развития никотиновой зависимости для юношей большую роль играют факторы, связанные непосредственно с самим индивидом: переход на курение более крепкого табака (48,8%), увеличение количества выкуриваемых сигарет в день (48,2%) и потребление некачественной продукции (33,4%). Для девушек большее значение имеет влияние окружающих, поэтому к рискам их табакозависимости студенты отнесли: распространение курения в семье (47,6%) и среди близких людей (44,6%), дружба с курящими людьми (43,9%), включая партнера (39,3%). При этом некоторые респонденты отметили, что курение является частью стиля девушки, дополнением её образа. Для девушек риски существуют вовне – в их социальных отношениях с другими людьми, поведению которых они подражают. То же можно сказать о рисках гламуризации девушек. По мнению студентов, эти риски также находятся в социальном окружении. Вероятность гламуризации увеличивается благодаря: высокому уровню внушаемости девушек (61,9%), желанию понравиться кому-либо (56%), выделиться (49,9%), компенсировать свои недостатки за счет следования моде (42,8%). Для юношей основными рисками являются нарциссизм (37,4%) и инфантилизм (27,1%).

При конструировании рисков гаджетозависимости к специфическим «мужским рискам»

опрошенные отнесли: неинтересную жизнь в реальности (44,6%), нежелание или неумение решать проблемы, существующие в реальной жизни (39,2%), и неуверенность в завтрашнем дне (33,7%). Для девушек основным риском зависимости выступают стрессы и невозможность справиться с ними (36,8%). Респонденты также отметили большую зависимость представительниц женского пола от социальных сетей. Ими были выделены специфические «женские риски»: одиночество (45,8%), отсутствие личной жизни (43,9%) и постоянная потребность в получении поддержки со стороны окружающих (41,6%).

Исследование показало, что в девиантном поведении студентов существуют гендерные особенности. Во-первых, наблюдаются различия в понимании «свойственного поведения» и «допустимого поведения» среди юношей и девушек. Представления студентов строятся на традиционном разделении феминности и маскулинности. Во-вторых, можно говорить о

различиях в конструировании рисков девиантного (зависимого) поведения в зависимости от гендерной принадлежности субъекта действия. Вместе с тем результаты подтвердили тенденцию стирания гендерных границ в частоте проявлений некоторых видов девиаций. Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о том, что девиантное поведение девушек имеет более демонстративный характер, чем у юношей, обуславливается пониженной стрессоустойчивостью и высокой зависимостью от общественного мнения. Для юношей характерны агрессивность, напористость, жесткость, а риски при выборе девиантной модели поведения часто связаны с конформностью, неразвитым механизмом самоконтроля и стремлением к получению сиюминутного удовольствия. Полученные результаты, с нашей точки зрения, дают возможность лучше понять гендерную специфику девиаций, а также увидеть процесс восприятия этого явления глазами молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амкуаб А.Г. Процессы «престижного потребления»: феномен или иллюзия «демассификации культуры»? // Известия Иркутской государственной экономической Академии. Массовые коммуникации. 2014. № 3. URL:<http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=19132> (дата обращения: 15.05.2015).
2. Анализ последствий сохранения сложившихся трендов в развитии российской молодежи в перспективе 10–20 лет. URL: http://www.fadm.gov.ru/agency/analytics/index_new.php (дата обращения: 18.02.2015).
3. Богомякова Е.С., Зорин Г.В. Риск: концептуализация понятия в социологии // Социология безопасности: проблемы, анализ, решения: мат. междунауч. конф. Ч. I. Санкт-Петербург, 19–20 апреля 2013 г. / Балт. гос. техн. ун-т. СПб., 2013. С. 49–53.
4. Бороноев П.Г. Проявление алкогольной девиации в студенческой среде // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 6. С. 175–177.
5. Валькинина Н.С., Мануйлова Л.М. Мониторинг эффективности форм профилактики болезненных зависимостей среди учащейся молодежи // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2010. № 3. С. 56–59.
6. Гаджетозависимость в России составляет 90%. URL: <http://www.hardnsoft.ru/experts/industry-news/30940/> (дата обращения: 24.03.2015).
7. Гидденс Э. Социология / при участии К. Бердсолл; пер. с англ. 2-е изд., полностью перераб. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2005.
8. Зависимость от телефона сильнее тяги к алкоголю и сладостям. Bigmir)net / 12.08.2011. URL: <http://techno.bigmir.net/discovery/1510962-Zavisimost--ot-telefona-sil-nee-tjagi-k-alkogolju-i-sladostjam> (дата обращения: 23.03.2015).
9. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям "ВАЛДАЙ-96" / МЦГИ. М., 1997. С. 84–86.
10. Каждый десятый студент пробовал наркотики // Мой район. 2010. 21 сентября. URL: <http://www.mr7.ru/articles/33072/> (дата обращения: 14.04.2014).
11. Кон И.С. Пол и гендер. Заметки о терминах. URL: <http://sexology.narod.ru/publ037.html> (дата обращения: 23.04.2014).
12. Крапивко Е.Н. Социокультурные девиации студенчества в контексте переоценки ценностей в современной России: дис. ... канд. соц. наук. Ставрополь, 2006.
13. Леонтьева М.В. Мониторинг девиантного поведения учащихся и студентов Архангельска // Социологические исследования. 2007. № 12. С. 104–107.

14. Масионис Дж. Социология. 9-е изд. СПб.: Питер, 2004.
15. Нархова Е.Н. Культура потребления современных российских студентов : автореф. дис. ... канд соц. наук. Екатеринбург, 2006.
16. Рахманинова М.Д. Идеологическая гламуризация: к постановке проблемы // Вестник РУДН. Фило-софия. 2010. № 4. С. 46–53.
17. Роспотребнадзор предупреждает – курение губительно для Вашего здоровья. URL: <http://75.gospotrebnadzor.ru/content/rospotrebnadzor-preduprezhdaet-%E2%80%93-kurenie-gubitelno-dlya-zdorovya> (дата обращения: 22.04.2015).
18. Семенов В. Русская речь в современной России. URL: http://ruskline.ru/analitika/2011/02/28/russkaya_rech_v_sovremennoj_rossii/ (дата обращения: 21.11.2014).
19. Социальные сети в 2011 году: исследование comScore. URL: <http://www.cossa.ru/articles/149/11382/> (дата обращения: 12.02.2015).
20. Студенты страдают зависимостью от смартфонов. URL: <http://4pda.ru/2014/08/31/173735/> (дата обращения: 15.02.2015).
21. Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера // Гендерные тетради. Труды СПб филиала ИС РАН. СПб., 1997. С. 193–218.
22. Цапу А.Б. Социологический анализ потребления в среде российского студенчества (на материалах г. Санкт-Петербурга): автореф. дис. ... канд. соц. наук. СПб., 2008.
23. Шайдакова Н.В. Социально-психологические аспекты демонстративного потребления старше-классников и студентов: дис. ... канд. психол. наук. М., 2014.
24. Шереги Ф.Э. Алкоголизация молодёжи: состояние и тенденции. Центр социального прогнози-рования и маркетинга. URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=256> (дата обращения: 01.11.2014).
25. Шереги Ф.Э. Наркоситуация в молодёжной среде. URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=238> (дата обращения: 02.11.2014).
26. Adler F. Sisters in Crime. New York, 1975.
27. Andreassen C.S., Torsheim T., Brunborg G.S., Pallesen S. Development of a Facebook Addiction Scale // Psychological Reports. 2012. № 2. P. 501–517.
28. Chodorov N. The Reproduction of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender. Berkeley, 1978.
29. Douglas M., Wildavsky A. Risk and Culture. An Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers. Berkley and Los Angeles: Univ. of California Press, 1982.
30. Parsons T. Age and Sex in the Social Structure (1949) // Parsons, T. Essays in Sociological Theory Pure and Applied. Glencoe. Illinois, 1949. P. 218–232.